

Сергей Андреевский

Стихотворения

Сергей Аркадьевич Андреевский

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2810185

Аннотация

«Куда бежать? В какой дали
Укрыться мне от злого горя?
Оно пространнее земли
И глубже моря!..»

Содержание

**Сергей Аркадьевич
Андреевский
Стихотворения**

Вопль

Куда бежать? В какой дали
Укрыться мне от злого горя?
Оно пространнее земли
И глубже моря!

Где стану жить? В какой тиши
На мир светлее глянут очи?
Угрюмый мрак моей души
Чернее ночи.

Зачем, зачем ничья рука
Не поразит меня? Поверьте,
Моя безумная тоска
Страшнее смерти!

Счастье

О, не теряй на счастье упования!
Пусть судьба его таит, —
Но, верь, в лучах небесного сиянья
Оно неожиданно прилетит.
Ни ропот слез, ни жар твоих молений
Его не вызвали на путь,
Но разогнать печаль твоих сомнений
Оно должно когда-нибудь!

Иди за ним с надеждой терпеливой,
Оно блеснет издалека,
Как свет зари, как радуга над нивой,
Как в темной зелени река.
Оно со звезд падет росой алмазной,
Дождем сольется с облаков;
Среди утрат и скорби неотвязной
К его лобзанию будь готов.

Когда в песках томительной пустыни
Судьба сметет его следы,
Оно, шутя, в безжизненной равнине
Воздвигнет райские сады.
Под сводом ли удушливой темницы
Надежда крылья разобьет —
Оно, как тень залетной голубицы,

В душе унылой промелькнет.

Когда его ты в юности не встретил —

Узнаешь в зрелые года:

Его приход не меньше будет светел,

Не будет поздним никогда!

Оно прольет по жилам опьяненье

У старца, чуждого мечтам,

И может дать в предсмертные мгновенья

Блаженство стынувшим устам!

* * *

Много птичек скрылось,
Лилий – отцвело,
Звездочек – скатилось,
Тучек – уплыло;
Много вод кипучих
В бездну унеслось,
Много струн певучих
В сердце порвалось!

Не повторяй, что радости превратны
И кратковременны мечты:
Беспечным детям суеты
Слова печали непонятны.
Нас тешит мир,
Как шумный пир,
Где ярко светит газ, и женщины смеются,
И звуки вальса раздаются.
Пускай немая ночь, за мраморной стеной,
Черна, как траур погребальный:
Не заразится воздух бальный
Ее безжизненной тьмой.
Взгляни: тяжелый штоф, и тюль, и кружева
На окнах складками повисли, —
Мы гоним сумрачные мысли,
В нас жажда счастья жива!
Иди с своей тоской, задумчивый пророк,
В лесные дебри и в пустыни,
Где, в созерцании святыни,
Ты будешь вечно одинок.
Там речи дальних звезд отшельникам понятны,
Там тихо падают листья,
Там будешь повторять, что радости превратны
И кратковременны мечты...

Я вспомнил детские года...
Понять их сердце не сумело,
И всё, что прежде в нем горело,
В нем не оставило следа.

Я вспомнил детские черты...
Куда ты, время, их девало?
Как сном навеванной мечты,
Улыбки ласковой не стало.

Скажи, дитя: где голос твой?
Где нежно сотканное тело?
Увы! Мы чуждые с тобой,
Ты отделилось... улетело.

Желал бы, о тебе горюя,
Пойти оплакивать твой след, —
Твоей гробницы не найду я:
Тебя нигде на свете нет!

Что смерть убьет – над тем могила
Отраду горести дает;
Что море жизни унесет —
То будто вовсе и не жило.

В начале жизненной дороги
Я знал неясные тревоги.

Я видел много милых снов
В тени сиреневых кустов.

Когда в саду цвели жасмины,
Я волновался без причины.

О чем при звездах, по ночам,
Я слезы лил – не знаю сам.

И нынче также, дни и годы,
При вое зимней непогоды,

При летнем солнце и весной,
В тени сирени молодой,

Я часто слезы проливаю, —
Но слез, увы! причину знаю...

Неуловимая минутная отрада,
Коварная, как блеск изменчивого взгляда,
Мне греет иногда безжизненную грудь
И к счастью прошлому указывает путь:
Как искорки, горят в душе воспоминанья —
Минувшая любовь, отжившие желанья
Слетают чередой, в туманном полусне,
Тревожат радости, застывшие во мне.
В обманчивом бреду я сердцем оживаю
И старой песне в лад — аккордом отвечаю,
И, кажется, ловлю, сквозь дальний сумрак лет,
Заглохшего огня мерцающий просвет, —
Но вскоре, отрезвась, я снова каменею
И силы юных чувств постигнуть не умею.

Эхо

Из Ф. Конне

Я громко сетовал в пустыне:
«Кто будет близок мне отныне,
Как были близки сердцу вы?»
Мне эхо вторило: «Увы!»

«Как буду жить больной и скучный,
Томим печалью неотлучной
И рядом горестных годин?
Мне эхо вторило: «Один!»

«Но где укрыться? Мир – могила.
Мне жизнь бесцельная постыла.
Где прежний блеск, и шум, и рай?»
Сказало эхо: «Умирай!»

Мрак

*Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.*

Пушкин

Поэт

Из долгих, долгих наблюдений
Я вынес горестный урок,
Что нет завидных назначений
И нет заманчивых дорог.
В душе – пустыня, в сердце – холод,
И нынче скучно, как вчера,
И мысли давит мне хандра
Тяжеловесная, как молот!
Ни развлеченье, ни покой,
Ни встречи с чернью деловитой,
Средь шума жизни городской,
Не служат больше мне защитой:
Тоска всесильна надо мной!
Приди, мой гений темнокрылый
С печальным взором умных глаз;
Мне по душе твой вид унылый
И твой таинственный рассказ.
Ты мог всегда полупнамеком

В прошедшем, тусклом и далеком,
Немое чувство оживить
И скорбью сердце уязвить.
Своим укором ядовитым
Оцепененье разреши:
Мне тяжело жить полуразбитым,
Мне гадок сон моей души!

Дух

Видел я лицо немое
И потухший взор:
О блаженстве, о покое
Пел угрюмый хор.
К небесам с кадильным дымом
Несся вопль сердец,
В отчужденьи нелюдимом.
Почивал мертвец.
Весь гирляндами украшен,
Но не тот, что был!
Он для тех казался страшен,
Кто его любил...
Грудь без теплого дыханья,
Без лучей глаза:
Что ему – слова прощанья?
Что ему – слеза?..

Поэт

О, помню я!.. Такие звуки
Давно не трогали мой слух:
Живым порывом горькой муки
В те дни кипел мой юный дух!
Теснили грудь мою рыдания,
Я образ друга вызывал:
Казалось мне, без очертанья
Он тихо в воздухе витал
И в душу мне вникал глубоко.
В церковной мгле, среди лампад,
Полусмущен, я чуял взгляд
Его всевидящего ока:
Он был слезам и скорби рад!
«Теперь, – я думал, – он измерит
Всю глубину моей любви
И чувства тайные мои
Судом взыскательным поверит!..»
И – почему, не знаю сам —
Мой взор тянулся к небесам...
Но там – ни звука, ни намека
В ответ на пламенный порыв:
Таков удел того, кто жив...
Бессилен гнев, слова упрека
Безумством были б сочтены!

С тех пор с тобою мы дружны,
Мой гений, небу непокорный:
На всем дрожит твой профиль черный
И светит недовольный взор.
На небе жизни с этих пор —
Сгустится ль мрак, взойдут ли зори —
Ты всё поешь: *memento mori!*¹
Но странно – верится едва! —
Твои ужасные слова
Для сердца гложут с каждым годом...
И там, где над могильным сводом,
Придя молиться в горький день,
Я сторожил родную тень, —
Там в годы зрелости холодной
Я дал взрасти траве негодной!
И тот кладбища свежий сад
С угрюмой надписью у входа,
Где снился мне видений ряд, —
Не больше трогает мой взгляд,
Чем вся безмолвная природа!..
Я понял жизни наготу,
Потерян ключ от милых бредней...
Но, вызвав старую мечту,
Ты дал блеснуть слезе последней, —
Благодарю! Ее прилив
Напомнил мне, что я был жив,
Что жить нам дважды не дается.
Слеза блестит, – она не льется!

¹ Помни о смерти! (*лат.*) – Ред.

Дух

Тени туманные, звуки неясные,
Образы прошлого, вечно прекрасные,
Вечно сокрытые мглой отдаления, —
Встаньте из мрака в лучах обновления!

Встаньте без горечи, светло-нарядные,
В жизненном облике, сердцу понятные,
Душу воздвигните силой целебною, —
Двигайтесь, образы, цепью волшебною!

Тучки летние дымятся,
Оросив кусты;
Уж под солнцем золотятся
Башни и кресты.
В небе радуги огнистой
Таёт яркий путь,
Воздух ясный и душистый
Тихо нежит грудь.
Тешась шумом наводнения,
Звонкий хор детей
Сыплет листья и каменья
В пенистый ручей.
На песке аллеи влажной,
Где бежал поток,

Уж оставил след отважный
Легкий башмачок.
И под сетью обновленной
Зелени сквозной
Слышен грядки орошенной
Запах земляной.
Вот и небо засинело
Всё – из края в край:
Иль в душе не просветлело
И земля – не рай?

Вдохнул ли ты свежительную силу?
В подобный миг ты прежде сожалел
Своих друзей, опущенных в могилу,
И к свету дня любовью пламенел.
Ты повторял, мой образ устрняя:
«Мне жизнь мила! Я жить готов, не зная,
К чему я здесь... Прекрасен мой удел!..»

Поэт

Случалось мне, в ребяческие годы,
Обласканный улыбкою природы,
Я веровал в несбыточные сны:
То призраки заветной старины!
В те дни, как друг, со мной шепталась ива
У синих вод весеннего разлива,

И в свежий мрак задумчивых долин
С своей мечтой спускался я один
Вверить им пыл неясных ожиданий...
Я не люблю таких воспоминаний!
Куда ни глянь: в безмолвии лесном,
В роях светил на куполе ночном,
Во всех углах роскошной панорамы —
Везде, везде – покинутые храмы!

Дух

Темных призраков не стало,
Словно дыма битв:
Сердце в мире отыскало
Образ для молитв!
У желанного порога
Робко стынет кровь:
То блаженная тревога —
Первая любовь!
И свежа, как ландыш мая.
Юностью блестя,
Вот стоит она, живая,
Грез твоих дитя...

И вот она с тобой идет в лесную тень,
Где в яркой зелени, осыпав старый пенёк,
Белеют звездами ромашки,

И шелк ее волос колеблется едва,
И ветер утренний ей дышит в рукава
Ее узорчатой рубашки;

Уж наших спутников замолкли голоса.
Кругом – зеленый мрак, пахучая роса...
Застигло нас уединенье...
Признание вырвалось невольно у тебя,
Ты высказал его, робея и любя,
Едва сдержав свое волнение.

А помнишь ли ту ночь, когда в волнах реки
Померкшей пристани дрожали огоньки
И в лодке хор звучал певучий?..
В тот миг она рукой взмутила пену струй,
И влажных пальчиков коснулся поцелуй,
Как воздух нежный и летучий.

Иль поздней осенью, при сумраке дневном,
Пред затуманенным, обрызганным окном
Ты с ней сидишь, бывало, рядом,
И, очарованный, не смеешь ты дохнуть,
Следя, как движется ее живая грудь
Под скромным будничным нарядом.

А это первое объятье нежных рук,
Когда в твоей груди родного сердца звук
Отдался в трепетном биении,
И грезились тебе: то запах темных кос,

То взгляд медлительный, понятный, как вопрос,
То стан, так близкий на мгновенье!

И рдела ли весна, иль выла песня вьюг,
Ненастье ль тусклое сгущалось вокруг,
Иль солнце грело и струилось,
Звучал ли колокол, шумел ли разговор, —
Всегда лишь ей одной внимали слух и взор,
И ровным счастьем сердце билось.

Ты помнишь ли те дни? Согрета и полна,
Душа надеждами была окружена,
И крепла в ней живая сила;
Счастливая рука работала легко;
От сердца чистого всё было далеко,
Что совесть чуткая клеймила.

И пусть иной робел пред сонмами светил,
Пускай других пугал холодный сон могил,
Но, чуждый горестным тревогам,
Ты не был одинок среди бездны мировой:
Твой дух тонул в лучах души тебе родной,
И свет любви был вашим богом!..

Поэт

Волшебный дух воспоминаний,

Печальник радостных минут,
Не тронь любви очарований:
Они ушли и не придут!
Мне часто снится это время,
Но первый пыл неуловим:
Так первым отпрыском живым
Уже развернутое семя
Не сблизит вновь свои края
И не годится для посева;
Так в летней трели соловья
Уж нет весеннего напева!
Я иногда гляжу кругом
С невыразимым утомленьем
И жадно жду, когда и в чем
Душа спасется обновленьем?
Взываю к памяти – и в ней
Недосягаемой святыней
Сверкают дни любви моей,
Как над безжизненной пустыней
Живые яхонты звезды;
А дальше – тянутся ряды
Ночей угрюмых, дней, убитых
На суетливые труды,
И ряд волнений пережитых,
Влечений, памятных едва
Иль непонятных, к изумленью,
Как полустертые слова
В тетрадах, преданных забвенью...
И мне тех призраков не жаль!..

Зато в душе темно и скучно,
И сердце к прошлому беззвучно,
А к жизни холодно, как сталь!
И в час той скорби безутешной
(Тебе открою мой секрет)
В моей груди, больной и грешной,
О злобе дня – заботы нет!
Тогда – напрасно лицемерить —
Ищу с отчаяньем слепца:
Кого любить? Во что мне верить?
К чему трудиться до конца,
Не зная светлых утешений,
С тоскливым ропотом сомнений,
Что мы уйдем, как и пришли, —
Плоды случайные земли!..
И эта язва тайно гложет
Не только страстного певца, —
Она мыслителя тревожит
И ранит бодрого дельца.
Иной, под маской скомороха,
Развязан с виду; но приди —
Его раздумье проследи:
Не сдержит он больного вздоха
В обезнадеженной груди!

И как на родину с чужбины равнодушной,
Как из тюремной тьмы на волю и на свет,
Мечта моя летит посланницей воздушной
К живому чувству юных лет!

Туда – где радостью трепещет ожиданье.
Где струйки алые так жизненны в крови,
Где страстным холодом под сердцем содроганье
Зовет к неведомой любви...

Где ночи лунные горят для тихой встречи;
Где жжет пожатые рук; где ровной белизны,
Как воск и лилия, нетронутые плечи
Невинной прелести полны...

Там всё готовится для праздничного пира.
Богат и радужен телесный наш убор...
Но вспомнишь – для чего?.. Для чуждых целей мира —
И время грабит нас, как вор!

Поймет ли кто-нибудь подавленные слезы
Убогой старости, когда на скате дней
Пред свежей красотой томительные грезы
На миг пробудятся у ней?

Не стыдно ль нам тогда за блеклые седины,
За кожу мертвую, просящуюся в гроб,
За речь неясную, но ясные морщины,
За мудрый обнаженный лоб?

И мрак в душе... Но вот иные всходят цели!
Служение другим – работа на людей:
Мудрец берет перо, и врач идет к постели,

Отец растит своих детей,

О благе лучших дней поет, вздыхая, лира,
Судья познания лет влагает в приговор...
Но вспомнишь – для чего?.. для чуждых целей мира,
А нас – долой метут, как сор!..

И снова грозной тьмы не смею я измерить,
И снова я ищу с отчаяньем слепца:
Кого любить? Во что мне верить!
К чему трудиться до конца,
Не зная светлых утешений,
С тоскливым ропотом сомнений,
Что мы уйдем, как и пришли, —
Плоды случайные земли!..
Угрюмый дух, волшебный гений!
Спаси, внемли!

Дух

Ты всё излил, чем страждет грудь поэта,
А может статься – и моя...
Я вечный спутник бытия,
Я голос тьмы: не знаю света...

Петропавловская крепость

У самых вод раскатистой Невы,
Лицом к лицу с нарядною столицей,
Темнеет, грозный в памяти молвы,
Гранитный вал с внушительною спицей.
Там виден храм, где искони внутри
Опочивают русские цари,
А возле стен зарыты коменданты,
И тихий плач в гробницы льют куранты,
И кажется, на линию дворцов,
Через Неву, из недр иного света,
Глядят в столицу тени мертвецов,
Как Банко тень на пиршество Макбета..

Завидна ль им исторгнутая власть?
Полна ль их совесть запоздалой боли,
И всем царям они желают пасть,
А всем гнетомым встать из-под неволи?
Или свои алмазные венцы
Они сложили кротко пред Еговой
И за грехи народа, как отцы,
Прияли там иной венец, терновый?
Иль спор ведут перед Царем царей
Повешенный с тираном на турнире,
Чей вздутый лик величия полней,
Раба в петле – иль царственный, в мундире?

Иль, убоясь своих кровавых рук,
Крамольники клянут свои деянья?
Или врагов на братские лобзанья
Толкнула смерть, в забвеньи зол и мук?..
Но я люблю гранитную ограду
И светлый шпиль при северной луне,
Когда куранты грустную руладу
Издалека разносят по волне.
Они поют в синеющем тумане
О свергнутых земных богатырях,
О роскоши, исчезнувшей в нирване,
О подвиге, задавленном впотьмах, —
О той поре, где всякий будет равен,
И, внемля им, подумаешь: «Коль славен...»

Август 1881

Ночь. Дворцовая набережная

Пигмей

Следя кругом вседневные кончины,
Страшусь терять бегущий мимо час:
Отживший мир в безмолвии погас,
А будущий не вызван из пучины, —
Меж двух ночей мы царствуем одни,
Мы, в полосе движения и света,
Всесильные, пока нас греют дни,
Пока для нас не грянул час запрета...
И страшно мне за наш ответный пост,
Где гению возможен светлый рост,
Где только раз мы можем быть полезны, —
И жутко мне над краем бездны!

Но демон есть: он весь – лукавый смех;
Он говорит, спокойный за успех:
«Как дар судьбы, великое – случайно,
И гения венчают не за труд,
Неправеден потомства громкий суд,
И ты, пигмей, сойдешь со сцены тайно.
Порыв души заносчивой умерь,
Войди в тот рай, куда открыта дверь:
Под этим солнцем, видимым и ясным,
В живом тепле, которым дышишь ты,
Владей любовью свежей красоты —
Цветущим телом, гибким и атласным...

Объехав мир, насыть кристалл очей
Эффектами закатов и восходов,
Величьем гор и вольностью морей,
И пестрой вереницею народов...
Порой забавясь вымыслом чужим
За книгою, на сцене, в галерее,
Не предаваясь пагубной затее
Свой ум и чувство жертвовать другим...
К земным дарам питай в себе охоту:
Люби вино, и шелк, и позолоту,
Здоровый сон, живую новость дня,
И шум толпы, и поздний свет огня...
Свой век прожив разумным воздержаньем,
Ты отпадешь, как полновесный плод,
Не сморщенный до срока увяданьем,
Не сорванный разгулом непогод».

Но, слушая те здравые советы,
Задумчиво внимает им пигмей:
Претят ему доступные предметы,
Манит его туманный мир идей.
Тревожимый упреком потаенным,
В невыгодной заботе о других,
Идет он мимо прелестей земных
С лицом худым и гневом убежденным!
И, созданный в подобие зверям,
В оковах плоти спутанный как сетью,
Он, не стремясь к благовому долголетию,
Идет на смерть, служа своим мечтам...

И если мир цветущий и прелестный
На полный мрак им гордо обменен,
Зато во всей могучей поднебесной
Нет ничего прекраснее, чем он!
Нет ничего священнее для взора,
Как белые, сухие черепа
Работников, сошедших без укора, —
Молись их памяти, толпа!

Оглянись: эти ровные дни,
Это время, бесцветное с виду, —
Ведь тебя погребают они,
Над тобою поют панихиду!

Живописный и томный закат
Или на ночь гасимые свечи —
Неужели тебе не твердят
Ежедневно прощальные речи?

Отвечай им печалью в лице
Или тихим, подавленным вздохом;
Не иди мимо дум о конце
Беззаботно-слепым скоморохом.

Но в уныньи себе не готовь
Ни веревки, ни яду, ни бритвы, —
Расточай благородную кровь
Под ударами жизненной битвы.

* * *

Грустно! Поникли усталые руки,
Взор опечаленный клонится долу;
Всё дорогое, без гнева и муки,
Хочется в жертву отдать произволу!

Грустно... Не трогайте сердца больного,
Мимо идите с участием, други:
Бросить могу я вам горькое слово
Жесткою платой за ваши услуги.

Дайте мне, люди, побыть нелюдимым,
Дайте уняться неведомой боли:
Камнем тоска налегла некрушимым...
Эх, умереть, разрыдаться бы, что ли!

Dolorosa

2

В саду монастыря, цветущую как розу,
Я видел в трауре Мадонну Долорозу.
На белый памятник она роняла взор;
Густые волосы разъединял пробор,
Теряясь под косой, завешенной вуалью;
Она дышала вся молитвой и печалью!
На матовой руке, опущенной с венком,
Кольцо венчальное светилось огоньком,
И флером сборчатым окутанная шея
Сверкала юностью, сгибаясь и белея.

² Скорбящая (*итал.*). – Ред.

Раскопки

Мы к снам заоблачным утратили порывы,
И двери вечности пред нами заперты:
Земля, одна земля!.. И по краям – обрывы
И нет ни выхода, ни цели для мечты...
Почуяв страшные, отвесные стремнины
Вокруг земной коры, где тлеет наш очаг,
Сказали мы себе: «Мы дети этой глины,
И от плотских забот отныне – ни на шаг!
Довольно веровал и мучился наш предок,
На небо возводя благочестивый взор, —
Рассеять мы хотим опасный этот вздор
Путем анализа и тщательных разведок».
С незыблемых святынь покровы сняты прочь, —
Открыты в чудесах секретные пружины;
Всё взрыто, свергнуто; везде зияет ночь,
Где прежде таяли волшебные картины...
И резче всё, черствей звучит недобрый смех
Утешенной попытки разрушенья;
Нам чуть мерещатся, сквозь длинный ряд помех,
Когда-то милые для сердца заблужденья...
На глыбы черные роняет только свет
Фонарь, колеблемый рабочим утомленным,
Но не скорбит задумчивый Гамлет
Над черепом, раскопкой обнаженным;
Под костью звонкою, во впадине пустой,

Гуляет ветер шумный и ненастный,
А рядом труженик сурово-безучастный
Во мрак спускается опасною тропой...

Май

Из лучшей стороны струясь и прибывая,
Тепло нахлынуло, и брызнул дождик мая;
Как дым камильницы, пахучая листва
Деревья зимние одела в кружева;
На кленах – крылышки, сережки – на осинах,
Цветы на яблонях, цветы на луговинах,
Цветные зонтики в аллеях золотых,
Одежды светлые на торсах молодых,
И слабый звон пчелы меж крестиков сирени,
И трель певца любви, певца вечерней тени —
Плодотворение, истома, поцелуй —
Очнись, печальный друг, очнись и не тоскуй!
Но ты не слушаешь... Лицо твое уныло,
Как будто всё, что есть, тебе уже не мило,
Как будто взор очей, для счастья неживой,
От чуждых радостей желал бы на покой.
Ты видел много лет, ты знаешь эту моду
Весной отогревать прозябшую природу,
Тревожить мирный сон ее глубоких сил,
Вздывать могучий сок из потаенных жил
Затем, дабы, на миг убрав ее показней, —
Расчесться за убор ценой осенних казней...
Ты знаешь и молчишь, и нет в очах любви.
Ты шепчешь горестно: «Где спутники мои?»
Иные – отцвели, иные – опочили;

Мы вместе знали жизнь, и вместе мы любили».

Нельзя в душе уврачевать
Ее старинные печали,
Когда на сердце их печать
Годами слезы выжигали.
Пусть новый смех звучит в устах
И счастье новое в чертах
Свой алый светоч зарумянит, —
Для давней скорби миг настанет:
Она мелькнет еще в уме,
Пришлет свой ропот присмиривший,
Как ветер, в листьях прошумевший,
Как звук, заплакавший во тьме...

Кончина Тургенева

(22-го августа 1883 г.)

Ударил гром... И много лет
Мы темной тучи не разгоним:
Погас наш тихий, кроткий свет —
Мы часть души своей хороним!..
Свободы вождь передовой,
«Из стаи славных осталой»,
Родных кумиров современник,
Он был для нас – их след живой,
Их кровный, подлинный преемник!

Мы с детства слушали рассказ
Его простой, прелестной музыки,
И в нашем сердце крепили узы
С душою, светлой как алмаз...
Когда мы позже были юны,
На праздник девственной любви
Его пленительные струны
Нам песни рая принесли!
Когда бороться за науку
Рванулись свежие умы,
Он новобранцам подал руку
И рассеивал туманы тьмы...
Он дал впервые проводницу

Бойцам проснувшейся страны:
На смелый труд из тишины
Он вызвал русскую девицу.
И был он друг ее мечты,
Души глубокий познаватель,
Ее стыдливой красоты
Неподражаемый ваятель!
Родное поле, степь и лес,
В цветах весны, в одежде снежной,
Под всеми красками небес —
Он обессмертил кистью нежной...
И пел нам голос дорогой...
Вопросы дня, вопросы мира —
Всему, под дивною рукой,
Ответный звук давала лира!

Прощайте, чудное перо,
Нас одарившее с чужбины,
И ненаглядные седины —
Маститой славы серебро!
Ты к нам желал на север дикий
Укрыться с юга на покой:
Сойди же в грудь земли родной,
Наш вечно милый и великий!

* * *

От милых строк, начертанных небрежно
Когда-то жившею рукой,
Незримый дух, безропотно и нежно,
Нам веет тихую тоской.

Безмолвен гроб, портреты безответны,
И вы лишь, бледные слова,
Забытым здесь даете знак заветный,
Что тень души еще жива!

Между 1878 и 1885

* * *

Я ревнив к этой зелени нежной,
Первой зелени вешних лесов,
И до самой зимы белоснежной
Любоваться бы ею готов.

И в конце плодотворного мая,
Примечая богатство листвы,
Я уж думаю, грустно мечтая:
«Где ты, юность! о, юность... увы!»

Между 1878 и 1885

Еду в сумерки: зимняя тишь,
Всё белеет, куда ни глядишь;
И больница, и церковь, и дом
Мирно светятся ярким огнем.
Теплый ветер подул и затих,
Свежим дымом запахло на миг,
И дрожит при лучах фонарей
На снегу тень лошадки моей,
И кругом суеты не слышать,
Словно жизнь утомилась роптать, —
Будто легче звучат голоса,
Будто ближе к земле небеса,
И я жду – сердце бьется в груди
Тайной радости жду впереди...

Между 1878 и 1885

На крыше конного вагона

Люблю, в ласканыи ветерка,
На крыше конного вагона,
С перил плебейского балкона
Глядеть на город свысока,
Нестись над морем экипажей,
Глазеть по окнам бельэтажей,
В кареты взоры опускать
И там случайно открывать
На складках шелкового платья
Двух рук любовное пожатье...
Люблю глядеть и за бор ты
Колясок пышных и глубоких
(Хотя внутри они пусты),
Люблю камелий быстрооких,
В сияньи наглой красоты,
Обозревать в углу коляски,
Где, развалясь и глядя вбок
И туфли выставив носок,
Они прохожим строят глазки...
Люблю весеннею порой
С высокой крыши подвижной
За институтские ограды
Бросать непрошеные взгляды...
Никто наверх не поглядит,
Никто в боязни малодушной

Пред нашей публикой воздушной
Не лицемерит, не хитрит;
Л взор повсюду наш парит...
И вот, когда мне прямо к носу
Вагон с услугой подкатит —
Всегда наверх меня манит:
Взберешься, вынешь папиросу,
Сосед предложит огонька,
Кивнешь признательно, закуришь,
Поговоришь, побалагуришь —
И все, в ласканьи ветерка,
На крыше конного вагона,
С перил плебейского балкона
На мир глядим мы свысока.

Между 1878 и 1885

Мадригал

(Л. С. Я.)

Склоняюсь пред тобой, как робкий богомолец,
Рука лилейная, прекрасная без колец,
И горько сетую: как поздно наконец
В тебе мне встретился желанный образец
Руки, невиданной меж мраморов старинных, —
Ни пухлых пальчиков, ни ямочек рутинных,
Но что за линияй и что за красота!
Гляжу и думаю, любуюсь и ревную:
К кому же ты прильнешь, в преграду поцелуя,
Ладонью нежною на пылкие уста?

Между 1878 и 1885

Мимо возрастов

Я перешел рубеж весны,
Забыв доверчивые сны
И грезы юности счастливой;
В туманы осени дождливой
Вступил я вялый и больной,
Проспавши тупо летний зной.
Но вот зима уж на пороге —
И я опомнился в тревоге....

Между 1878 и 1885

Укор

Часы бегут с поспешностью обычной
Для жизни праздничной и жизни горемычной,
И каждого бесследный их полет
В иные дни к раскаянью зовет...

Но без борьбы, со вздохом незаметным,
Мы шлем «прости» мечтам своим заветным;
Теряя жизнь, пред будущим пустым
Мы со стыдом беспомощно стоим.

А как подчас настойчивы укоры!
Вы помните ль: на улице глухой,
Под ровный шаг походки деловой,
Следили вас невидимые взоры...

В сырую ночь, при блеске фонаря,
В котором газ от ветра волновался,
Не злой ли вихрь в душе у вас промчался
И лучших дней не вспыхнула ль заря?

Иль, громоздясь стеной под небесами,
Ряды домов не жали вашу грудь?
Их мрачный вид – с докучными мечтами
Не звал ли вас расчесться как-нибудь?..

Но всё ж без дел, со вздохом незаметным,
Мы шлем «прости» мечтам своим заветным,
Мы шлем «прости» встревоженным мечтам, —
А злой укор всё ходит по пятам....

Между 1878 и 1885

Сказал бы ей... но поневоле
Мне речь страшна:
Боюсь, что слово скажет боле,
Чем шепот сна.

Откуда робость? Почему бы
Не быть храбрей?
И почему коснеют губы,
Когда я с ней?

Признанья в ветреные годы
Я делал вмиг;
От той уверенной свободы
Отстал язык.

Боюсь, что понял я неверно
Порыв любить,
Боюсь слезою, лицемерной
Глаза смочить.

Она хоть искренно польется,
Но, может, в ней
Лишь с грустью чувство отзовется
Минувших дней...

Между 1878 и 1885

Отрывок

Чудесный вечер... Мы уселись группой
В траве зеленой, на опушке леса,
Пред насыпью железного пути.
Вздымались ели темною грядой
На светлом небе, и кресты верхушек
Отчетливо, недвижные, чернели.
Порой пред нами проносился поезд,
И долго, долго в гулком отдалении
В тиши вечерней шум его катился...
Вдруг месяц круглый глянул с вышины
Меж двух шпалер померкнувшего леса,
Как в глубине громадной, тихой сцены...
И все мы смолкли, словно притаились.
А шар луны, как незванный свидетель,
Всё выступал, неотразимо ясный,
И в тихом небе тихо поднимался,
И, наконец, устоялся на нас.
Мелькнули звезды. Раздались меж нами
Обычные мечтанья и вопросы:
Там есть ли люди, и в мирах далеких
Нам суждено ль иную жизнь изведать?

«Нас там не будет – и на купол звездный
Я избегаю пристально смотреть:
Мутится ум, и слово стынет в горле,

И друга благородные черты
Мне кажутся пустой и скверной маской,
А пестрый день, картинный и шумливый, —
Обманом жалким, над которым втайне
Смеются там стальные очи мрака!..
К чему дано нам вечно созерцать
Алмазную метель и вихрь миров
В бездонной синеве ночного неба —
И ясно видеть их недостижимость?!
Какая неотместная обида!»

«Ваш ропот странен. Полно вам глядеть
На этот мир из узкой, темной трубки!
На первый план вы ставите себя.
Но в сфере звезд никто о вас не думал;
Никто, рассудком сходный с человеком,
Созданием миров не управлял;
Природа есть, откуда – мы не знаем,
И ваши распри с этим неизвестным,
Едва ль носящим образ существа,
Поистине достойны сожаленья!
Ваш гнев измышлен, или вы больны.
Но и в разгаре затаенной злобы
Вы дышите, вы смотрите – вам любо.
А с этой злобой, будь она правдива,
Вам жить нельзя...»
– «И лучше бы не жить!
Мое несчастье и несчастье многих,
Что жизнь мила при думах безотрадных...

Но с каждым днем растут самоубийства,
И устарело в наши времена
Гамлетовское «быть или не быть?».
Загробных снов никто уж не боится...
Пугает нас, напротив, смерть ума,
Его тлетворной, внутренней беседы
Внезапное, глухое прекращенье...
Мы с ним страдаем и страдать не прочь
За гранью гроба: лишь бы не расстаться!
А многим страшен малый промежуток
Удушья, муки, гадкого чего-то,
С чем неразлучен жалкий наш конец...
Нас гложут мысли. Я скажу к примеру:
Прельщен ли я сияньем этой ночи?
Не так, как вы! Ваш мир ненарушим.
А я – вникаю в эту тишину
И слышу в ней придушенные звуки
Тревожной жизни, бьющейся вокруг:
Там люди мрут, и в судорожном хрипе
Колеблются бесчисленные груди...
Что, если бы те звуки слить в один?
Какой бы хор пронесся в тихом небе!!
А поцелуев рой соединенный
С миллионов уст, поспешных и безумных,
Какой бы шум они произвели
Своим бессвязным, птичьим щебетаньем!
А вопль родильниц? А рыданье скорбных?..
Теперь любуйтесь этой тишиной...
И вспомните, что п_о_лог облаков

Почти отсюда дымчатой пустыней
На высоте задернут над землею —
И никому не виден этот мир,
И никому не слышен дольний звук,
Как звуки тленья в замкнутой могиле
Не слышны людям!.. Мы живем как тени,
Водимые неведомой рукой
По чуждому, безвыходному замку:
Когда порой начнем стучаться в окна,
Откуда нас прельщают чудеса, —
Ни отзова, ни помощи не слышно!
И все мы гибнем, чуждые друг другу...
Мы – тени! тени!..»

* * *

Не отрывай пленительной руки
От жарких уст, прильнувших к ней с мученьем!
Пускай чрез миг мы будем далеки
И поцелуй исчезнет сновиденьем.

Я чувствую: ты странно смущена,
Колеблешься и словно каменеешь,
Твоя рука борьбой напряжена, —
Бежишь ли ты? Иль ты меня жалеешь?

Помедли миг! Безмолвна и горда,
Дай угадать, теснится ли дыханье
В твоей груди смущенной, – и тогда
Уйди, уйди, без звука на прощанье...

Когда поэт скорбит в напевах заунывных
И боль страдания слышна в его речах —
Не сетуйте о нем: то плачет в звуках дивных
Печаль далекая, омытая в слезах.

Когда ж напев любви, отрады, упоенья,
Как рокот соловья, чудесно зазвенит, —
Он жалок, ваш певец: не зная утешенья,
Он радость мертвую румянит и рядит...